

Литература:

19. Анисов М.И. Хрестоматия по истории советской школы и педагогики. М.: Просвещение, 1972.
20. Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948.
21. Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917-1920 гг. М., 1958.
22. Королев Ф. Ф., Корнейчик Т. Д., Равкин З. И. Очерки по истории советской школы и педагогики (1921-1931 гг.). М., 1961.
23. Крупская Н.К. К вопросу о новом учебнике // Народный учитель. 1924. №5.
24. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917-1973. Сб. документов. М.: Педагогика, 1974.
25. Протасова И.А. Школьное историко-обществоведческое образование в России. XVIII-XX вв. Екатеринбург, 2002.
26. Равкин З.И. Советская школа в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.). М., 1959.
27. Степашко Л.А. Вопросы теории содержания общего образования в советской педагогике (1917-1937 гг.). Челябинск, 1980.

УДК

372.893+371.671.1

ББК 4426.632-268.2 ГСНТИ 14.35.19 Код ВАК 13.00.08

Д. В. Гаврилов

Екатеринбург

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И РЕФЛЕКСИВНОЙ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНИКЕ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая эпистемология, рефлексивная реконцептуализация, социально-экономическое развитие страны, стратегические ориентиры, металлургия, Урало-Кузбасс, школьные и вузовские учебники.

АННОТАЦИЯ. В статье показывается важность выявления стратегических ориентиров социально-экономического развития России XVIII – XIX вв. для исторической эпистемологии и реконцептуализации исторического знания в современном учебнике по отечественной истории.

D.V. Gavrilo

Yekaterinburg

**TARGETS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
IN HISTORICAL EPISTEMOLOGY AND
REFLECTIVE RECONCEPTUALIZATION OF
HISTORICAL KNOWLEDGE IN A MODERN
TEXTBOOK ON RUSSIAN HISTORY**

KEY WORDS: historical epistemology, reflexive reconceptualization, socio-economic development, strategic guidelines, metallurgy, Ural-Kuznetsk Basin, school and college textbooks.

ABSTRACT. The article shows the importance of identifying strategic targets of socio-economic development of Russia XVIII - XIX centuries for historical epistemology and reconceptualization of historical knowledge in a modern textbook on Russian history.

В современной российской историографии интенсивно развиваются две тенденции: с одной стороны - стремительно растёт число микроисторических исследований (история «повседневности» и т. п.), с другой - усиленно нарастает историческое осмысление глобальных процессов. Обновляется методология компаративной истории, акцентирующей внимание на обнаружение контрастов и различий, учёт разнообразия локальных особенностей, множится богатство междисциплинарных связей. На структуре исторического знания и формах его презентации сказываются процессы глобализации и обеспечивающие их новые информационные технологии. В исторической эпистемологии и рефлексивной реконцептуализации исторического знания, в формировании нового исторического видения происходят изменения, способные адекватно осмыслить совершающиеся в мире изменения.

Для исторических исследований исключительно важную эпистемологическую роль имеют теоретические построения. Теория как система обобщающих руководящих идей, логическое обобщение опыта и общественной практики позволяет выяснить закономерности исторического развития, объяснить и интерпретировать исторические факты и события, найти в частности подтверждение общих утверждений, осуществлять конструирование репрезентаций прошлого на основе релевантных свидетельств. Ориентированная на эпистемологию теория помогает выявлять неартикулированные и неаргументированные предубеждения (1).

«Перестройка» и рыночные реформы в нашей стране сопровождались мощной пропагандистской кампанией (американцы это называют «промыыванием мозгов»). Развернулось широким фронтом раскрытие «тайн», «секретов», «загадок» советского режима, освещение «белых пятен» советской эпохи (действительных и придуманных), причём все они неизменно окрашивались в чёрный цвет. Стало модным показывать нашу страну неполноценной, с ужасной историей. Утвердились лёгкость и безответственность суждений, апологетика негативизма, безудержное и безответственное «очернение» всего прошлого нашей страны. Их целью было привитие населению и особенно молодёжи неприязни к советскому строю, советской истории.

Прикрываясь плюрализмом мнений, издано множество школьных и вузовских учебников по истории, беспардонно искажающих историю нашей страны. «В настоящее время, - пишет большая группа уральских историков, - статья 13 Конституции РФ (о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» - *Д.Г.*) не выполняется. Прошлое по-прежнему оценивается с позиции господствующей идеологии. Сегодня на смену одной воинственной системе взглядов марксизма-ленинизма пришла другая, не менее воинственная система взглядов - вульгарно-либеральная» (2).

Историю всё чаще стали превращать в политизированную социологию, При этом авторов не смущало и сейчас не смущает, что они часто меняют свои позиции, фальсифицируют

исторические факты и события. Книжный рынок заполнен псевдоисторической макулатурой. Труды историков-профессионалов издаются мизерными тиражами в несколько сот экземпляров, тонут в потоке детективной литературы, издаваемой тиражами в десятки тысяч, псевдоисторических книг, издаваемых миллионными тиражами.

Всё это выдвигает в качестве важной задачи создание учебника по отечественной истории, объективно и беспристрастно освещающего историческое прошлое, соответствующего современному уровню развития гуманитарных наук, независимого от влияния властных, финансовых и коммерческих структур. Важным шагом для осуществления этой задачи должно стать выявление стратегических ориентиров социально-экономического развития страны на основных этапах её модернизации, для истории России XVIII – XX вв. в первую очередь - социально-экономического развития её восточных регионов, в том числе Урала и его металлургии.

С древнейших времён плавка на древесном угле была единственным методом получения металлов. До конца XVIII в. вся мировая металлургия была древесноугольной. Созданию и быстрому развитию уральской промышленной металлургии, возникшей в начале XVIII в., способствовали исключительно богатые природные ресурсы региона: нетронутые огромные массивы дремучих первобытных пихтово-еловых и кедровых лесов и тут же расположенные громадные залежи неглубоко залегающих высококачественных железных руд.

Богатейшие месторождения железных руд и огромные запасы хвойных лесов сразу же дали уральской металлургии огромные преимущества. К тому времени западноевропейские страны - Англия, Бельгия, Дания, Франция и др., свои леса уже сожгли в топках металлургических печей, вырубили для строительства кораблей и на хозяйственные нужды. Единственной страной в Европе, обладавшей мощными запасами железных руд и сохранившей свои леса, была Швеция. В XVI - XVII вв. она была лидером в мировой металлургии, производила около 1/2 мирового железа и доминировала на мировом рынке металлов.

Возникновение в России нового крупного металлургического района - Урала, коренным образом изменило соотношение сил в мировом производстве железа. Уже в середине XVIII в. Урал превратился в грандиозный по тогдашним, не русским только, но и мировым масштабам промышленный район. Во второй половине XVIII в. Россия, благодаря Уралу, по производству металлов перегнала западноевропейские страны по объемам производства и на мировом рынке оттеснила Швецию на второй план.

На рубеже XVIII – XIX вв. по объемам выплавки чугуна Россия заняла 1-е место в мире. Первенство в мировой металлургии способствовало внешнеполитическим успехам государства. Были разгромлены войска самых могущественных держав того времени – Швеции и Османской империи, завоеван выход к Балтийскому и Черному морям. Россия превратилась в одну из великих европейских держав (3).

В XVII - XVIII вв. в Западной Европе, в связи с повсеместным истощением лесов, очень остро встал вопрос о переводе древесноугольной металлургии на альтернативные виды топлива. В конце XVIII в. в Англии, а затем и в других западноевропейских странах металлургия стала переходить на каменноугольное топливо, развернулась промышленная революция. Подобный переход был трудной технико-технологической и экономической задачей, требовал создания новых видов техники, новых технологий, вложения крупных капиталов. Даже для промышленно развитых стран (Англии, Франции, Германии, США), имевших для введения плавки металлов на каменном угле необходимые материальные условия, перевод металлургии с древесноугольного топлива на каменноугольное оказался сложной задачей и занял значительный промежуток времени – от нескольких десятилетий до ста и более лет.

К концу XIX в. древесноугольная металлургия во всех западных странах по существу была полностью вытеснена. Она сохранилась только в Швеции, но и там её позиции были поколеблены. В конце XIX - начале XX в. шведы стали закрывать свои металлургические заводы и занялись продажей

западноевропейским странам своей высококачественной железной руды.

В то время как в металлургии Западной Европе в широких масштабах развернулось внедрение каменноугольного топлива, главный металлургический район России – Урал, по объективным причинам не мог воспользоваться этим важным технико-технологическим достижением. Он не имел каменных углей, поддающихся коксованию при существовавших тогда технологиях, из-за полного отсутствия в регионе (вплоть до конца XIX в.) железных дорог был оторван от имевшихся в стране каменноугольных бассейнов и поэтому не мог перейти на минеральное топливо.

К середине XIX в. для уральской металлургии возможности экстенсивного роста, – за счёт вовлечения в металлургическое производство новых лесных площадей и новых водных ресурсов, – были исчерпаны. Все более обнаруживалась экономическая невыгодность крепостного труда. Промышленный переворот, начавшийся на Урале с опозданием, проходил медленно и в ограниченных размерах, феодально-крепостническая система тормозила внедрение новой техники. Россия по производству чёрных металлов была оттеснена на 8-е место в мире. К моменту падения в 1861 г. крепостного права уральская металлургия подошла в состоянии глубокого технико-экономического, финансового и социального кризиса (4).

В России в среде горнозаводских деятелей в середине XIX в. сложилось убеждение, что древесноугольная металлургия не в состоянии удовлетворить потребности огромнейшего государства в металлах. В 1851 г. генерал К. В. Чевкин и полковник А. Д. Озерский в обзоре горнозаводской производительности России пришли к выводу: «Ожидать значительного и притом постоянного увеличения выделки железа от нынешних заводов наших, древесным топливом действующих, нет вовсе основания; подобное увеличение производства железного возможно лишь при соединении онаго с промыслом каменноугольным. Токмо при выделке железа минеральным топливом можно достигнуть постоянного, значительного умножения и удешевления онаго» (5).

Требовалась разработка новой, рассчитанной на длительную перспективу, стратегии развития металлургической промышленности, которая позволила бы резко поднять производство металлов, получить достаточное их количество в условиях ускорившейся модернизации и начавшейся индустриализации страны. Однако принятые тогда решения оказались недостаточно радикальными и, как показала жизнь, недалёковидными и ошибочными.

В правительственных кругах утвердилось мнение, что потребности страны в металлах можно решить путём создания на Юге России нового металлургического района, базирующегося на каменноугольном топливе. Англичанином Юзом, получившим огромные льготы и пособия, в 1872 г. на Юге России был пущен металлургический завод, работавший на каменноугольном топливе. Однако активное строительство металлургических заводов на Юге началось только после ввода в эксплуатацию в 1886 г. Екатерининской железной дороги, соединившей залежи железной руды в Кривом Роге с коксующимся каменным углем Донбасса.

В 1887 – 1899 гг. на Юге было построено 15 крупных металлургических заводов, работавших на минеральном топливе и оснащённых западноевропейской и американской техникой, хотя и не во всех случаях самой передовой. Юг России, развиваясь быстрыми темпами, по объёмам выпускаемой металлургической продукции в 1895 г. догнал Урал, а затем обогнал его и вышел на первое место. Урал, в течение двух столетий являвшийся главным металлургическим районом страны, был оттеснён на второй план.

Однако мероприятия правительства, направленные на поддержку Юга России, не смогли решить стоявшие перед российской металлургией задачи, полностью обеспечить потребности страны в металлах. Возможности Юга России оказались ограниченными. Паллиативная и половинчатая экономическая политика правительства в области металлургии не изменила существенным образом удельный вес страны в мировом хозяйстве, не ликвидировала отставание России от промышленно развитых западноевропейских стран и США. Стало очевидным, что без перевода на минеральное топливо

Урала, старейшего и крупнейшего металлургического района страны, резко поднять производство металлов в стране невозможно.

В 1892 г. С. Ю. Витте выдвинул «зауральский план» - грандиозную программу экономического освоения и развития восточных территорий страны – Урала, Сибири и Дальнего Востока, широкого всемерного использования естественных богатств этих регионов. Главным средством для энергичного экономического развития восточных районов должно было стать сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, построенной в 1891 – 1903 гг. Урал, расположенный на границе Европы и Азии, являлся естественным связующим звеном между Европейской и Азиатской частями страны, служил форпостом и плацдармом для освоения и экономического развития Азиатской России, оказывал промышленное воздействие на Сибирь и Центральную Азию (6).

Оттеснение Урала на второй план Югом России в конце XIX в. большинство чиновников Горного департамента и уральские горнозаводчики считали временным явлением, они были настроены оптимистически и утверждали, что для Урала вопрос о замене древесноугольного топлива минеральным является «несущественным». Главный начальник Уральских горных заводов П.П. Боклевский в 1899 г. писал, что Урал может в недалёком будущем довести ежегодную выплавку чугуна на древесном топливе до 90 - 100 млн пуд (7). (В 1900 г. на Урале было выплавлено 50,5 млн пуд чугуна).

Отставание Урала, замедление темпов его развития вызвало беспокойство и озабоченность Витте. Отправленная по его поручению на Урал в 1899 г. экспедиция учёных во главе с Д. И. Менделеевым должна была выяснить причины «малой подвижности Уральской железной промышленности». Объехав основные горнозаводские округа Урала, Менделеев был восхищён природными богатствами края и предсказал уральской металлургии блестящее будущее, но в то же время отметил многие негативные явления, тормозившие её развитие: сохранение многочисленных остатков крепостничества, привилегированный характер и феодальные монополии

горнозаводчиков, отсутствие конкуренции и горной свободы, запутанность земельных отношений.

Предсказав блестящее будущее уральской древесноугольной металлургии (возможность выплавлять по 300 млн пуд чугуна в год), Менделеев одновременно приветствовал использование на Урале каменноугольного топлива. На Нижнетагильских заводах ему показали образцы «прекрасного кокса», полученного из коксующегося луньевского каменного угля, обладавшего «смолистостью». Нижнетагильские заводы, писал Менделеев, владея частью Егоршинских и Луньевскими копиями, «могут поставить своё чугунное дело на коксе, что было бы не малым прогрессом для уральской промышленности». Такую перспективу подкрепляло и то обстоятельство, что началась разработка коксующегося каменного угля на Экибастузских копиях в Казахстане, откуда кокс «обещали скоро дёшево доставлять на Урал». Менделеев считал, что всё «передельное дело» - переработку чугуна в железо и сталь, «надо прочно» поставить на традиционном уральском топливе «с подмогою из кузнецкого (судженского) и киргизского (екибастузского) каменного угля» (8).

Более ясную и твёрдую позицию по отношению к внедрению в уральскую металлургию каменноугольного топлива занял подавший Менделееву особую записку профессор Казанского университета А. А. Штукенберг, хорошо знакомый с работой уральских металлургических заводов. Он считал, что уральская железная промышленность «наличным древесным материалом... уже достигла почти максимального развития и... значительного увеличения её в будущем при существующих условиях трудно ожидать... Только привлечение к Уралу западносибирского каменного угля или широкая утилизация торфа для металлургических целей могут дать производительности Урала большее развитие... Открытие залежей каменного угля в Западной Сибири, сделанное в последние годы, ... может послужить новой эрой в железном деле на Урале... Расстояние западносибирских месторождений каменного угля от Урала при благоприятных железнодорожных тарифах не исключает возможности пользоваться этим горючим материалом на Урале» (9).

Оптимистические прогнозы о будущем древесноугольной металлургии на Урале не оправдались. Древесноугольная металлургия по своим технико-экономическим и технологическим условиям (хрупкость древесного угля; его измельчение под воздействием силы тяжести, нарушавшее нормальный ход металлургического процесса, вследствие чего домны не могли увеличиваться в высоту и в объёме более определённых размеров; невозможность обеспечить их сильным горячим дутьем и т.п.) и своим количественным показателям не могла успешно конкурировать с коксовой металлургией, выплавлявшей в несравненно больших количествах и более дешёвый чугун.

Каменноугольное топливо позволяло сооружать более крупные по своим размерам (высоте и объёму) доменные печи, применять более сильно нагретое и более мощное дутьё, более эффективно использовать отходящие горячие колошниковые газы, устанавливать более мощные сталеплавильные и прокатные агрегаты, благодаря чему возникала возможность производить в несравненно больших количествах и при меньших трудовых затратах более дешёвые чугун, железо и сталь. В 1900 г. годовая выплавка чугуна на одну действующую уральскую древесноугольную домну составила 359 тыс. пуд, на одну действующую коксовую домну на Юге России - 2,04 млн пуд, то есть в 5,7 раз больше (10).

Экономический кризис 1900 - 1903 гг. и последовавшая за ним промышленная депрессия 1904 - 1909 гг. убедительно показали, что древесноугольная металлургия успешно конкурировать с коксовой металлургией не может. Очень остро встал вопрос о переводе её с древесного на минеральное топливо. Идея об использовании каменного угля Западной Сибири для уральской металлургической промышленности, давно носившаяся в воздухе, стала развиваться, обосновываться технико-экономически и постепенно стихийно превращаться в экономические разработки, позднее послужившими фрагментами для создания различных проектов Урало-Кузбасса.

В 2 тыс. км к востоку от Урала, в Западной Сибири, в Кузнецком бассейне находились богатейшие залежи коксующихся каменных углей. По данным геологических

исследований, запасы угля в бассейне в 6 – 7 раз превосходили запасы Донбасса. Профессор Лутугин определил их в 250 млрд т, что было больше угольных запасов Германии и Англии, вместе взятых. Средняя мощность угольных пластов в Донбассе равнялась 1 м, в Кузбассе она составляла 6 м, а в ряде мест достигала 15 – 16 м, причём угольные пласты в Кузбассе находились близко от поверхности, что позволяло вести добычу угля более дешёвыми, экономичными способами - открытыми разрезами, штольнями, неглубокими шахтами (11).

XVII съезд уральских горнозаводчиков, состоявшийся 5 - 7 марта 1912 г. в С.-Петербурге, в качестве самого актуального обсудил вопрос о необходимости перехода уральской металлургии на минеральное топливо. Для этого предполагалось использовать коксующиеся угли Кузбасса, организовать их привоз на Урал, осуществить обмен Урала с Кузбассом каменным углем и железной рудой (12). Эти вопросы затем дискутировались на всех последующих съездах уральских горнозаводчиков. Накануне и в период Первой мировой войны были предприняты практические шаги, правда робкие и неуверенные, по осуществлению идеи Урало-Кузбасса.

В ноябре 1912 г., при участии петербургского Международного банка, пайщиками которого, кроме русских, выступали французские, немецкие и бельгийские банкиры, было учреждено акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей (КОПИКУЗ), обещавшее снабжать уральскую металлургию коксующимся углем. Общество получило в концессию 16 млн дес. земли, право на постройку ширококолейной железной дороги от села Кольчугино до разъезда Юрга Транссибирской железнодорожной магистрали протяжением в 187 вёрст, по которой оно предполагало доставлять кузбасский каменный уголь на Урал. Крупные уральские горнозаводские округа (Богословский, Алапаевский, Верхисетский, Лысьвенский и др.) стали скупать в Кузнецком бассейне угленосные участки (13).

Совет съездов торговли и промышленности в 1913 г. поставил вопрос о проведении железной дороги к горе Магнитной, выдвинул проект строительства железнодорожной магистрали Кузнецк – Барнаул – Павлодар – Орск для

снабжения Южного Урала кузнецким каменным углем. XVII и XVIII съезды уральских горнозаводчиков (1912, 1913 гг.) выдвинули проект создания Трансуральского водного пути, который соединил бы Волжско-Камский и Обь-Иртышский бассейны через судоходный канал в самой низкой части Главного Уральского хребта, в районе Екатеринбурга (14).

Инженером Эмерлингом был разработан проект строительства металлургического завода у горы Магнитной производительностью в 15 млн пуд (245,7 тыс.т) чугуна в год. Была начата постройка железной дороги Белорецк - Магнитная протяжённостью в 145 вёрст (до революции 1917 г. было построено 15 вёрст) (15). В Западной Сибири были основаны несколько рудников, заложены шахты, поставлены коксовые батареи, на которых велись опыты по коксованию угля, в 1914 – 1916 гг. проложена железнодорожная ветка от Транссибирской магистрали до Кемеровского рудника.

Акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей (КОПИКУЗ), решившее построить в Кузбассе металлургический завод, летом 1917 г. пригласило для его проектирования талантливое русское учёное металлурга-доменщика М. К. Курако, который с группой инженеров выехал в Сибирь и приступил к подготовке проекта и рабочих чертежей, но акционерное общество не получило обещанный кредит и не смогло найти спонсоров, которые согласились бы вложить капиталы в строительство завода (16).

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, недостаток и распыление финансовых средств, отсутствие в регионе и в стране требовавшихся для реализации выдвинутых проектов больших резервных капиталов, хищническо-эгоистическая финансовая политика коммерческих банков и иностранных инвесторов фактически остановили осуществление планов и проектов по развитию Кузбасса, которые остались не реализованными.

Академик И. П. Бардин, объясняя причины неудачи в начале XX в. попыток реконструкции российской металлургии, перевода уральской металлургии на минеральное топливо, осуществления идеи Урало-Кузбасса, указал на «крохоборческие замыслы деятелей промышленности, связан-

ных тесными пределами внутреннего рынка и не способных поставить перед собой даже как отдалённую мечту задачу достижения превосходства над передовыми западноевропейскими странами и Америкой, и, что самое главное, наличие громадной резервной армии труда, позволяющее пользоваться чрезвычайно дешёвой рабочей силой и не делать капитальных вложений в механизацию трудовых процессов и модернизацию оборудования», что создавало «атмосферу технического застоя и бесперспективности» (17).

Было ясно, что «крохоборческие замыслы деятелей промышленности, связанных тесными пределами внутреннего рынка и не способных поставить перед собой даже как отдалённую мечту задачу достижения превосходства над передовыми западноевропейскими странами и Америкой», слабые, разрозненные усилия отдельных акционерных обществ не могли кардинальным образом изменить топливную базу уральской металлургии, её технико-технологическую основу, перевести её с древесноугольного на минеральное топливо, поставить на службу стране богатейшие природные ресурсы восточных районов страны, в первую очередь – Урала и Западной Сибири.

Только во второй половине 1920 – 1930-х гг., когда был взят курс на ускоренную индустриализацию страны, намечена долгосрочная стратегии развития металлургической промышленности Урала, предусматривавшая перевод её на минеральное топливо, проблема Урало-Кузбасса была возведена в ранг важнейшей государственной задачи, на её реализацию были направлены большие государственные капиталовложения, она была успешно решена и её реализация сыграла огромную роль в укреплении экономического и военного могущества нашего государства.

Проект Урало-Кузбасса - классический образец всесторонне научно разработанной, рассчитанной на длительную перспективу стратегии создания крупного промышленного комплекса, основу которого составляло перспективное развитие металлургической и каменноугольной промышленности двух огромных восточных регионов страны – Урала и Западной Сибири, обеспеченного природными, материальными,

техническими и финансовыми ресурсами, осуществляемого в благоприятных социально-экономических условиях, при активном политическом обеспечении в целях достижения чётко поставленных важных государственных задач, имевшего для страны судьбоносное значение, что убедительно подтвердила Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.

Стратегические ориентиры социально-экономического развития восточных районов страны в конце XIX - середине XX в., заложенные в школьные и вузовские учебники, позволят нам на современном высоком научно-теоретическом уровне показать экономическое и социокультурное развитие страны на протяжении большого сложного периода отечественной истории.

Литература:

1. Новый образ исторической науки в век глобализации. М., 2005; Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.

2. История России с позиций разных идеологий / Под ред. проф. Б. В. Личмана. Учебное пособие. – Ростов-на-Дону, 2007. С. 4 – 5.

3. Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времён до наших дней. М. 2008. С. 300, 354, 358.

4. Гаврилов Д. В. Коренная реконструкция топливно-энергетического баланса металлургии Урала в 1920 – 1930-х гг. // Индустриальное наследие: Материалы III Международной научной конференции, г. Выкса. Саранск. 2007. С. 69 – 73.

5. Чевкин К. В., Озерский А. Д. Обзор горной производительности России // Горный журнал. СПб. 1851. Ч. III. С. 372.

6. Гаврилов Д. В. Урал, Российский Север, Сибирь и Дальний Восток в «Зауральском плане» С. Ю. Витте // Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII – XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург. 2005. С. 498 – 501.

7. Боклевский П. П. Перспективы уральской горной промышленности. Екатеринбург. 1899. С. 4, 11.

8. Менделеев Д.И. Сочинения. М.; Л. 1949. Т. XII. Уральская железная промышленность в 1899 г. С. 1018 – 1079.

9. Штукенберг А. А. Обзор уральских рудных месторождений // Менделеев Д. И. Сочинения. Т. XII. Прилож. 36. С. 843, 844, 848.

10. Струмилин С. Г. Избранные произведения: История черной металлургии в СССР. М. 1967. С. 363, 364.
11. Шевяков Л. А. Изучение производительных сил Кузбасса // Вестник АН СССР. М., 1949. № 3. С. 21.
12. Труды XVII съезда горнопромышленников Урала в 1912 г. в С.-Петербурге. СПб. 1912.
13. Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900-1917 гг. М.; Л. 1965. С. 247 – 248; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М. 1982. С. 176.
14. Труды XVIII съезда горнопромышленников Урала 26 - 28 марта 1913 г. в С.-Петербурге. СПб., 1913. С. 169 - 171.
15. Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900-1917 гг. С. 326, 369 – 371; Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). С. 249 - 250, 258.
16. Александров И., Григорьев Г. Михаил Курако. М., 1958. С. 123 – 129.
17. Бардин И. П. Избранные труды. М. 1963. Т. 1. С. 93.

УДК 372.8

ББК 4426.63

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 13.00.08

О.В. Гугнина

Оренбург

**УЧЕБНИК ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ВТОРОГО
ПОКОЛЕНИЯ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стандарт второго поколения, учебник, историческое образование, воспитание.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрыты особенности преподавания истории при переходе к образовательным стандартам второго поколения. Автор раскрывает особенности учебника истории как средства обновления исторического образования. В статье описан опыт немецких коллег с разнообразными источниками по теме «Холокост: документами, статистикой, карикатурами, картами».